

УДК 392

DOI: 10.31040/2222-8349-2020-0-4-72-78

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВЫБОР МУСУЛЬМАН И ПРАВОСЛАВНЫХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В СВЕТЕ ПИЛОТАЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© А.Н. Кляшев, Р.Р. Мухамадеева

В статье выявлены основные тенденции выбора религиозной идентичности у регулярных членов религиозных общин Республики Башкортостан, проживающих в различных типах населенных пунктов. Религиозный выбор как мусульман, так и православных в первую очередь определяется первичными агентами социализации – непосредственно матерью и отцом, а также ближайшими родственниками. Религиозная идентичность индивида в XX в. представляла собой выбор (или отсутствие осознанного выбора) вероисповедания один раз и на всю жизнь; в XXI в., как следствие глобализации, горизонтальной и вертикальной мобильности социальных групп, она может представлять собой совокупность религиозных выборов, что требует дальнейших религиоведческих исследований.

Ключевые слова: Конфессиональная идентичность, религиозный выбор, ислам, православие, Республика Башкортостан, населенные пункты.

Целью данной статьи является выявление основных тенденций выбора религиозной идентичности у регулярных членов религиозных общин Республики Башкортостан, проживающих, с одной стороны, в крупном городе (Уфа), с другой – в большом (г. Нефтекамск) и малом городах (г. Давлеканово) и крупном сельском поселении (с. Буздяк). Для реализации поставленной цели необходимо выполнение следующих задач:

– фиксация религиозной идентичности (либо ее отсутствие) респондентов до принятия ими вероисповедания, к которому они относят себя на момент опроса;

– выявление определяющего фактора при выборе данной религиозной идентичности.

Объект исследования – регулярные члены мусульманских и православных религиозных организаций в различных типах населенных пунктов Республики Башкортостан; предметом исследования являются некоторые аспекты формирования религиозной идентичности.

Под религиозным выбором в данной статье понимается признание свободы выбора религиозной веры гражданином Российской Федерации – «свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально

или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [1].

Методологическая основа и материалы.

Сбор эмпирического материала, используемого в данной статье, осуществлялся методом социологии – опросом посредством интервьюирования. Опросы проводились с использованием анкет закрытого типа. На эмпирическом уровне исследования применялись также общенаучные методы измерения и сравнения.

В качестве принципиального плана исследования выбрана индуктивная стратегия, предполагающая обобщение эмпирического материала в качестве модели объяснения исследуемого феномена; в целях теоретического обобщения эмпирических данных использовались методы анализа и синтеза.

Опрос верующих проводился ИЭИ УФИЦ РАН в 2017 г. в рамках проекта РФФИ № 17-11-02002 «Этнос и религия в современном городе» и в 2019 г. в рамках Госзадания ИЭИ УФИЦ РАН «Религия и духовная жизнь в поликонфессиональном пространстве Южного Урала», № АААА-А18-118042390021-3.

КЛЯШЕВ Александр Николаевич – к.и.н., Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, e-mail: ak1168@mail.ru
МУХАМАДЕЕВА Регина Равилевна, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, e-mail: _murr_@list.ru

Опрос 2017 г. проводился по анкетам закрытого типа двух версий, адаптированных соответственно для носителей ислама и православия, каждая из которых включала 36 вопросов и состояла из нескольких блоков, содержащих вопросы, касающиеся этно-демографического состава респондентов, их идентичности, различных аспектов религиозности опрашиваемых и отношения к некоторым моментам общественной жизни Республики Башкортостан. Сбор полевых материалов проводился среди наиболее активных членов мусульманских и православных общин г. Уфы Республики Башкортостан. Опрос проводился методом «снежного кома» и носил пилотажный характер, в связи с чем было опрошено всего 128 человек.

Опрос 2019 г. также проводился по стандартизованным анкетам двух видов, адаптированных для носителей ислама и православия, каждая из которых включала 73 и 75 вопросов соответственно и состояла из тематических блоков, содержащих вопросы, касающиеся этно-демографического состава респондентов (пол, возраст, образование, семейное положение, национальность, сфера занятости, объем и структура доходов семьи, национальная идентичность (национальность респондента, его супруга(и), матери, отца и т.д.) и иные идентичности), религиозного поведения и религиозного сознания (в т.ч. религиозного образования), религиозной толерантности, о влиянии религиозных организаций на различные стороны общественной жизни. Опрос проводился среди активных членов мусульманских и православных религиозных организаций в таких малых городах и населенных пунктах Республики Башкортостан, как Буздяк, Давлеканово, Нефтекамск (49 человек).

Методическая основа опросов 2017 и 2019 гг. – методика В.Ф. Чесноковой для расчета индекса воцерковленности (В-индекса) православных верующих [10], которая неоднократно была апробирована в исследованиях фонда «Общественное мнение», Института социально-политических исследований РАН, Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Критериями отбора в выборочную совокупность, репрезентирующую «ядро верующих» православных и мусульман Республики Башкортостан, стали следующие показатели религиозного поведения – посещение храма/церкви, чтение Евангелия/Корана, молитва, пост, дополнительно – только для православных – исповедь и причастие. Обработка полевых

материалов проводилась в программе анализа статистических данных IBM SPSS Statistics 22.

Результаты. Данные по мусульманам. Результаты пилотажных исследований регулярных членов мусульманских религиозных организаций демонстрируют, что самая крупная группа среди респондентов-мусульман – верующие, которые пришли в ислам самостоятельно, их 34.2% и 48% в 2017 и 2019 гг. соответственно; тех, принятию ислама которых поспособствовали родители – 22.8% и 24% и друзья – 21.5% и 8%, родственники способствовали приходу к вере по мнению 16.5% и 16% опрошенных. Роль супругов и лично незнакомых мусульман незначительна – респондентов, которые стали мусульманами при их содействии, 2.5% и 4% соответственно в 2017 и 2019 гг. (табл. 1). Таким образом, наибольшую роль в процессе принятия ислама играют родственники (включая родителей и супругов – их в совокупности 41.8%); на втором месте – личные экзистенциальные поиски человека (34.2%), на третьем – друзья (21.5%). 69.6% опрошенных мусульман в 2017 г. и 70% в 2019 г. респондентов считают, что они всегда были мусульманами, «просто верили в Бога» 22.8% (2017 г.) и 20.0% (2019г.), на бывших атеистов приходится 5.1% (2017 г.) и 4.0% (2019 г.), на воздержавшихся от ответа и бывшего православного приходится по 1.3% в 2017 г. (по одному респонденту на каждую позицию) (см. табл. 1).

Большой вклад родственников (включая родителей и супругов, всего 41.8% ответивших) в принятии ислама и значительное количество респондентов, идентифицировавших себя как верующих, всегда исповедовавших ислам (69.6%), свидетельствует, на наш взгляд, о значительной роли в религиозном выборе постоянных членов мусульманских религиозных общин на территории Башкортостана первичных агентов социализации, под непосредственным влиянием которых происходит принятие социальных норм и установок религии – первичный выбор вероисповедания на основе этноконфессиональных традиций, транслируемых родителями. Религиозная мобильность как смена в течение жизни индивидом одного вероисповедания другим под воздействием различных факторов (внутри- и внесемейных) в меньшей степени свойственна представителям религиозного ядра. Наиболее вероятностей переход из верующих в Бога без вероисповедания в верующего-мусульманина. Ислам является также этноконфессиональным

маркером, речь в данном случае, на наш взгляд, идет о более глубоком вовлечении в реализацию вероисповедных практик. Этот вывод, по нашему мнению, подтверждают данные об этническом составе мусульман РБ: татары 57.0%, башкиры 30.4%, русские 1.3% (1 респондент), другая национальность 8.9%, нет вариантов 2.5%. 87.4% приходится на тюркоязычных респондентов – татар и башкир, традиционно рассматриваемых этнологической наукой как носителей ислама. 34.2% респондентов, пришедших к исламу самостоятельно, обратились в своих экзистенциальных поисках к традиционной для своего этноса (татарского или башкирского) конфессии.

Данные по православным. Результаты пилотажных исследований регулярных членов православных религиозных организаций на территории РБ выявили, что, в 2017 г. самая

крупная группа – респонденты, принявшие православие самостоятельно (36.7%), в 2019 г. эта группа вторая по численности (29.2%). Наоборот, в 2019 г. наиболее многочисленна группа (41.7%) тех, у кого способствовали приходу в православие родители, в 2017 г. данная группа – лишь на втором месте (24.5% в 2017 г.). Примерно по 12% верующих выбрали ответ «Друзья» – они так же, как и у респондентов-мусульман, на третьем месте по численности, но их в два раза меньше, чем выбравших ответ «Родители». 10.2% в 2017 г. и 8.2% в 2019 г. ответивших пришли в православие при содействии своих детей, при содействии супругов – 6.1%. На отечественных православных миссионеров и незнакомых лично респонденту христиан православного вероисповедания в 2017 г. приходится по 4.1%; на родственников – только 2.0%, а в 2019 г. – 20.8% (табл. 2).

Т а б л и ц а 1

Кто способствовал принятию текущего вероисповедания и предшествующая конфессиональная идентичность (мусульмане)

Кто способствовал приходу в ислам	(РБ, Уфа, 2017, % от числа опрошенных, N=76)	(РБ, Нефтекамск, Давлеканово, Буздяк, 2019, % от числа опрошенных, N=25)
Супруг(а)	2.5	4.0
Родители	22.8	24.0
Дети*	–	–
Друзья (друг, подруга)	21.5	8.0
Родственники	16.5	16.0
Иностранцы мусульманские миссионеры*	–	0
Отечественные местные мусульманские миссионеры*	–	0.4
Незнакомый лично Вам мусульманин(ка)	2.5	–
Сам(а) пришел(ла)	34.2	48.0
Вероисповедание до принятия ислама	(РБ, Уфа, 2017, % от числа опрошенных, N=76)	(РБ, Нефтекамск, Давлеканово, Буздяк, 2019, % от числа опрошенных, N=25)
Нет ответа	1.3	–
Всегда был мусульманином(кой)	69.6	76.0
Просто верил(ла) в Бога	22.8	20.0
Православие	1.3	–
Протестантизм*	–	–
Иудаизм*	–	–
Буддизм*	–	–
Атеизм	5.1	4.0
Язычество*	–	–
Другое*	–	–

* Данные варианты ответов были предложены в опросе 2019 г.

Источник: ПМА – Полевые материалы авторов – опросы в мусульманских и православных религиозных организациях, Уфа, РБ, август 2017 г.; ПМА – полевые материалы авторов – опросы в мусульманских и православных религиозных организациях. Нефтекамск, Давлеканово, Буздяк, РБ, 2019 г.

*Кто способствовал принятию текущего вероисповедания
и предшествующая конфессиональная идентичность (православные)*

Кто способствовал приходу в православие	(РБ, Уфа, 2017, % от числа опрошенных, N=52)	(РБ, Нефтекамск, Давлеканово, Буздяк, 2019, % от числа опрошенных, N=24)
Супруг(а)	6.1	–
Родители	24.5	41.7
Ваши дети	10.2	8.3
Друзья (друг, подруга)	12.2	12.5
Родственники	2.0	20.8
Иностранные православные миссионеры*	–	0
Отечественные православные миссионеры	4.1	0
Незнакомый лично Вам христианин(ка) православного вероисповедания	4.1	0
Сам(а) пришел(ла)	36.7	29.2
Вероисповедание до принятия православия	(РБ, Уфа, 2017, % от числа опрошенных, N=52)	(РБ, Нефтекамск, Давлеканово, Буздяк, 2019, % от числа опрошенных, N=24)
Всегда был православным христианином	53.1	78.3
Просто верил(ла) в Бога	28.6	13.0
Протестантизм	4.1	–
Ислам	6.1	–
Иудаизм*		4.3
Буддизм*		–
Атеизм	6.1	–
Язычество*		–
Свой вариант	2.0	4.3

* Данные варианты ответов были предложены в опросе 2019 г.

Источник: ПМА – Полевые материалы авторов – опросы в мусульманских и православных религиозных организациях. Уфа, РБ, август 2017 г.; ПМА – полевые материалы авторов – опросы в мусульманских и православных религиозных организациях. Нефтекамск, Давлеканово, Буздяк, РБ, 2019 г.

Так же, как и у членов мусульманских религиозных организаций, у членов православных религиозных организаций на территории РБ наибольшую роль в процессе принятия православия играют родственники (включая родителей и супругов – их в совокупности 42.8% в 2017 г. и 62.5% в 2019 г.); на втором месте – личные экзистенциальные поиски человека (34.2% в 2017 г. и 29.2% в 2019 г.), на третьем – друзья (примерно по 12% в 2017, 2019 гг.). Всегда были православными христианами 53.1% респондентов в 2017 г. и 78.3% в 2019 г., считают, что они всегда были православными, «просто верили в Бога» – 28.6% верующих, на бывших мусульман и атеистов приходится по 6.1%, на бывших протестантов – 4.1%, «Свой вариант» ответа выбрали 2.0% (см. табл. 2).

Вследствие малого объема выборки и разных типов населенных пунктов мы не можем констатировать изменения в структуре факторов прихода в православную веру. Возможно лишь предположить, что под воздействием различных социально-экономических условий существуют различия в приходе к православию в условиях крупного города, больших и малых сельских поселений, а это предмет дальнейших религиозно-исследовательских исследований. На наш взгляд, православие, как и ислам, также является (хотя и в несколько меньшей степени) этноконфессиональным маркером для русских, которых в выборке 81.6% (татар 12.2%, мордвы 4.1%, башкиры 2.0%) – количество респондентов, идентифицировавших себя как верующих, всегда исповедовавших православие, составляет 53.1% (у мусульман – 69.6%), тогда как количество

лиц, принявших православие при содействии родственников (включая родителей и супругов) – 42.8% (у мусульман – 41.8%); в данном случае, по нашему мнению, речь также идет преимущественно о более глубоком вовлечении в реализацию вероисповедных практик (относительно русских). В то же время несколько больший процент православных респондентов, исповедовавших ранее ислам, протестантизм и бывших атеистами, свидетельствует о том, что принятие православного направления христианства в большей степени, чем принятие ислама, является в т.ч. результатом трансформаций религиозной идентичности.

Выводы. Согласно исследованиям Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) 2004–2012 гг., структура религиозного населения России состоит из следующих подгрупп: «ядро верующих», в наиболее полной мере реализовывающих религиозные практики в своей жизни (в т.ч. посещающих храм/мечеть раз в месяц и чаще), численность «ядра верующих» составляет 10–15% населения, из которых православных менее 10%, остальные – мусульмане и представители других конфессий. Вокруг «ядра» существует 30–35% верующих, идентифицированных Ю.Ю. Синелиной как «периферия», из которых 30% православных и которые осуществляют свои права на свободу вероисповедания в несколько меньшей степени, однако считают, что религия играет важную роль в их жизни. Остальная группа респондентов определены Ю.Ю. Синелиной как «культурные православные и мусульмане» – для них религиозная идентичность является этнокультурным маркером, а религиозные ценностные установки не являются определяющими в личной жизни [9].

Материалы ИЭИ УФИЦ РАН касаются респондентов, составляющих, согласно определению Ю.Ю. Синелиной, «ядро верующих», в наиболее полной мере реализовывающих религиозные практики в своей жизни. 93.7% респондентов в выборке мусульман и 69.4% православных посещают мечети и храмы еженедельно и чаще, 5.1% мусульман и 22.4% православных – раз в месяц и чаще. Можно сказать, что исследования ИЭИ УФИЦ РАН коснулись верующих мусульман и православных, представляющих своего рода «костяк», или основу, религиозных общин этих конфессий.

Приведенные в статье данные позволяют сделать следующие предварительные (относительно мусульман и православных) выводы относительно основных тенденций выбора религиозной идентичности у носителей ислама, православия и протестантизма на территории Республики Башкортостан:

– для мусульман приход в ислам в большинстве случаев означает более глубокое вовлечение в реализацию вероисповедных практик (переход из категории «культурных» либо «периферийных» мусульман в «ядро»), а также обращение в своих экзистенциальных поисках к традиционной для своего этноса (татарского или башкирского) конфессии;

– для православных также имеет место преимущественно переход из категории «культурных» либо «периферийных» православных в «ядро» (относительно русских), однако больший процент православных респондентов, бывших ранее мусульманами, протестантами и атеистами, свидетельствует о том, что принятие православия в большей степени, чем принятие ислама, является в т.ч. результатом трансформаций религиозной идентичности;

– религиозный выбор как мусульман, так и православных в первую очередь определяется первичными агентами социализации – непосредственно матерью и отцом, а также ближайшими родственниками (бабушка, дедушка и др.). Первичный выбор вероисповедания может быть осознанным и не осознанным индивидом. Вторичный религиозный выбор может произойти под воздействием различных внутри- и внесемейных факторов, но может так и не наступить в течение всей жизни индивида;

– религиозная идентичность индивида в XX в. представляла собой выбор (или отсутствие осознанного выбора) вероисповедания один раз и на всю жизнь;

– религиозная идентичность индивида в XXI в. как следствие глобализации, горизонтальной и вертикальной мобильности социальных групп может представлять собой совокупность религиозных выборов, что, конечно же, требует дальнейших религиоведческих исследований.

Данные по мусульманам и православным РБ основаны на результатах пилотажного исследования и носят предварительный характер; для получения более объективной и полной картины исследуемого феномена необходимы более широкомасштабные исследования.

Статья выполнена в рамках Гос. задания «Религия и духовная жизнь в поликонфессиональном пространстве Южного Урала» № АА-АА-А18-118042390021-3.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://konstrf.ru/> (дата обращения: 03.07.2020).

2. Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Трансформация государственной конфессиональной политики в Республике Башкортостан // Власть. 2017. № 9 (т. 25) С. 78–87.

3. Кляшев А.Н. Протестантизм Республики Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2013. С. 61–71.

4. Совет по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан / Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://glavarb.ru/rus/administration/sovetsopogosudarstvenno-konfessionalnimotnosheniyampriprezidenterb/> (дата обращения: 23.05.2020).

5. Духовное управление мусульман Республики Башкортостан / Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dumrb.ru/> (дата обращения: 20.03.2018); Центральное духовное управление мусульман России / Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdum.ru/rdum/mufti/d/870/> (дата обращения: 23.05.2020).

6. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата / Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1912987.html> (дата обращения: 23.05.2020).

7. Юнусова А.Б., Амелин В.В., Беляков Р.Ю. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в субъектах Приволжского федерального округа: Экспертный доклад за 2014 год. Оренбург, 2014.

8. Садретдинова Э.В. Межэтнические коммуникации в крупном городе как основание толерантности // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.): Мат-лы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4457–4469.

9. Синелина Ю.Ю. Динамика религиозности россиян (1989–2012) // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): Мат-лы Третьей Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 324–343.

10. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005. 297 с.

References

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: <http://konstrf.ru/> (дата обращения: 03.07.2020).

2. Mukhametzyanova-Duggal R.M. Transformation of state religious policy in the Republic of Bashkortostan. Vlast, 2017, no. 9 (25), pp. 78–87.

3. Klyashev A.N. Protestantism in the Republic of Bashkortostan: Social response to challenges of modernity. Ufa, Zdravookhranenie Bashkortostana, 2013, pp. 61–71.

4. Council for State-Religion Relations under the Head of the Republic of Bashkortostan. Ofitsialnyy sayt. Available at: <https://glavarb.ru/rus/administration/sovetsopogosudarstvenno-konfessionalnimotnosheniyampriprezidenterb/> (accessed May 23, 2020).

5. Spiritual Board of Muslims of the Republic of Bashkortostan. Ofitsialnyy sayt. Available at: <http://www.dumrb.ru/> (accessed March 20, 2018); Central Spiritual Administration of Muslims of Russia. Ofitsialnyy sayt. Available at: <http://www.cdum.ru/rdum/mufti/d/870/> (accessed May 23, 2020).

6. Russian Orthodox Church. Ofitsialnyy sayt Moskovskogo Patriarkhata. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1912987.html> (accessed May 23, 2020).

7. Yunusova A.B., Amelin V.V., Belyakov R.Yu. Inter-ethnic relations and religious situation in the subjects of the Volga Federal District. Ekspertnyy doklad za 2014 god. Orenburg, 2014.

8. Sadrednina E.V. Inter-ethnic communications in large city as the basis for tolerance. Sotsiologiya i obshchestvo: sotsialnoe neravenstvo i sotsialnaya spravedlivost (Ekaterinburg, October 19–21, 2016). Materialy V Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa. Moscow, Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov, 2016, pp. 4457–4469.

9. Sinelina Yu.Yu. Dynamics of religiosity among Russians (1989–2012). Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna (pamyati Yu.Yu. Sinelinoi). Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. September 13, 2013, Belgorod. Belgorod, 2013, pp. 324–343.

10. Chesnokova V.F. By narrow path: The process of churching of the Russian population in the late 20th century. Moscow, Akademicheskii projekt, 2005. 297 p.



**RELIGIOUS CHOICE OF MUSLIMS AND ORTHODOX CHRISTIANS OF THE REPUBLIC OF
BASHKORTOSTAN IN THE LIGHT OF PILOT STUDIES**

© **A.N. Klyashev, R.R. Mukhamadeeva**

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
6, ulitsa Karla Marksa, 450077, Ufa, Russian Federation

The article reveals the main trends in the choice of religious identity among regular members of religious communities in the Republic of Bashkortostan living in various types of settlements. The religious choice, both among Muslims and Orthodox Christians, is mainly determined by primary agents of socialization – directly by mother and father, as well as by the closest relatives. The religious identity of a person in the 20th century was a choice (or lack of a conscious choice) of religion once and for all. In the 21st century, as a result of globalization, horizontal and vertical mobility of social groups, it can represent a set of religious choices, which requires further special studies.

Key words: religious identity, religious choice, Islam, Orthodoxy, Republic of Bashkortostan, human settlements.